

ББК 63.227

Т.В. Кайгородова

Русская механистическая хронология в XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: механистическая хронология, XVIII–XIX вв., достижения и ошибки.

Key words: mechanistic chronology, XVIII and XIX centuries, achievements and mistakes.

Вопрос. Что есть хронология?

Ответ. Она есть наука времен, то есть наука в порядке учредить приключения истории общей и каждой особенно в том самом времени, в котором оные приключились.

Вопрос. Какая же есть полезность хронологии?

Ответ. Та, чтоб нам иметь правила путешествовать верно или, по меньшей мере, вероятно в пространном и темном свете древности; так, как мореплавание подает правила корабельщикам, чтоб провождать их на разные моря, не заблуждаясь в пути долговременного путешествия [1, ч. 1, с. 1–3].

Этот хронологический катехизис был написан в 80-е гг. XVIII в. и как бы символизировал собой появление в России новой науки – исторической хронологии. Петровские преобразования открыли дорогу просвещенности западноевропейского образца. Бурное развитие самых разных наук и знаний в обновленной России, в том числе и наук исторических (хронология, генеалогия, метрология, нумизматика и др.), было прямым следствием реформ Петра I.

Основателем научного историко-хронологического знания в России был в начале XVIII в. ростовский митрополит Димитрий [2, с. 7–10]. Он создал то направление, которое сейчас называется механистической хронологией. В своих работах Димитрий использовал иностранные сочинения 100- и 200-летней давности, которые еще не представляли собой научных исследований, а относились скорее к позднему варианту жанра исторической хроники. От типичных средневековых нарративных источников они отличались только наличием небольшого числа исследовательских соображений о времени воплощения Христа; недаром же сам Димитрий сочинения И. Гагnea, И. Функция, П. Опмеера и других именовал обобщенно «римскими хронографами». Именно из этих «хронографов» и выросла традиционная западноевропейская механистическая хронология конца XVI–XVII вв., которая соединяла глубокомысленные рассуждения о точном времени Рождества Христова (РХ) с редуцированными операциями над библейскими и историческими датами.

Однако к тому времени, когда митрополит Русской православной церкви начал размышлять в Ростове над

противоречивыми показаниями Библии, летописей и хронографов, европейская механистическая хронология вступила уже в новый этап своего развития, что проявилось в ее разделении на две ветви. Одна группа католических и протестантских хронологов (С. Кальвизий, И.-Б. Рикчиоли, аббат Дж. Ушер и др.) продолжали следовать традициям основателей западноевропейской хронологии (Ж.-Ж. Скалигер и Д. Петавий) и стремились к общему и полному согласованию (конкордации) своей универсальной хронологической шкалы, т.е. эры от Рождества Христова, с древними, прежде всего римскими и греческими, эрами [3–4]. Для этого они считали необходимым в первую очередь синхронизировать год Христова Рождества с определенным годом античных эр и только затем, опираясь на такое согласование, производить редуцированные расчеты. Весьма точно описал суть традиционного механистического направления русский ученый XIX в. М.С. Гастев: «Все они, равно как и их последователи, жившие в 18 столетии... основываясь на Библии, старались оправдать ее хронологические показания и приспособлялись к ним. Их системы частью одна другой противоречат и содержат в себе множество невероятностей» [5, с. 11]. Невероятности эти происходили от того, что показания древних источников никак не увязывались с евангельской хронологией; по крайней мере даже самые удачные попытки их притягивания друг к другу всегда сопровождалась массой оговорок, допущений, домыслов, что всегда оставляло возможность сомневаться в точности исследовательских реконструкций.

Другие европейские хронологи-механисты (П. Фригио, А. Малле, Р. Капелли, Л. Марсель и др.), смущенные, вероятно, неудачами в деле конкордации, стали считать, что размышления по поводу точного времени божественной инкарнации неэффективны, а потому главное внимание уделяли созданию более или менее обширных серий редуцированных расчетов. Свои редуцированные серии они публиковали в виде хронологических таблиц (например [6–7]).

Параллельное существование этих двух направлений в западноевропейской науке сохранилось и до наших дней: многочисленные ученые-богословы продолжают углубленное изучение хронологии земной жизни Иисуса Христа, а рядом с ними трудятся авторы сводных хронологических таблиц. Совершенно иначе обстояло дело в России. Только в творчестве митрополита Димитрия мы можем отметить слитность двух

направлений механистики: хронологическая статья «Келейного летописца» в принципе соответствовала образцам западного традиционного направления, а летопись из «Диария» была таблицей, состоящей из результатов редукционных расчетов. Вся же дальнейшая русская механистическая хронология развивалась исключительно по второму, «табличному» варианту.

Главной причиной такого явления было, конечно же, подражание западноевропейской учености. Несложные по структуре и содержанию текста таблицы французских или немецких авторов привлекали домопощенных хронологов более, чем мудреные рассуждения об истинном времени воплощения Спасителя, да еще и изложенные чаще всего на латыни. Не случайно самые первые переводы на русский язык зарубежных хронологических книг представляли собой как раз таблицы. Основателем переводного табличного жанра стал доктор-правовед Московского университета Филипп-Генрих Дильтей (1704–1770), составивший весьма объемный свод из европейских исторических и хронологических сочинений [8]. Второй и наиболее удачной для XVIII в. подобной компиляцией была «Хронология» уже известного нам Ф.И. Дмитриева-Мамонова: положив в основу своей книги переводы из популярных тогда в Европе сочинений А.-Ф. Лемьера и Л. Морери, он умело пополнил ее датами русской истории и общими представлениями о предмете, категориях и методах хронологической науки [1]. Такие переводы продолжали появляться в России и позже, в первой половине XIX в., способствуя, с одной стороны, развитию общего интереса к хронологическим знаниям, но, с другой – являясь образцами примитивного отношения к историко-хронологическим проблемам [9–11].

Господство табличного жанра в России объяснялось, вероятно, и тем, что официальная доктрина греко-российской церкви ни в XVIII столетии, ни позже не стимулировала интереса к уточнению основных временных вех земной жизни Иисуса Христа. Тем более понятно, что для российского сочинителя и читателя вдвойне чуждыми были хронологические изыскания западных компутистов, в основание которых закладывались летосчислительные ориентиры, совершенно отличные от православных. Достаточно сказать, что первые российские исследования в области библейской хронологии появились только во второй половине XIX в., и потом еще долгое время они оставались единичными [12–14].

Итак, расцвет русской механистической хронологии, наступивший в последней четверти XVIII в., был связан с появлением большого числа хронологических таблиц. Непосредственным продолжателем митрополита Димитрия с полным основанием можно назвать его «коллегую», епископа Рязанского и Шатского, члена Московской синодальной конторы Палладия (Павел Юрьев, 1721–1789). Изданная им в 1777 г. «Краткая

хронология» походила, однако, уже более не на «Келейный летописец» предшественника, а на типичные хронологические таблицы, хотя полностью отвлекаясь от богословских рассуждений Палладий не смог [15]. Когда же сочинение таблиц стало популярным занятием в кругу образованной светской публики, произошло окончательное размежевание русской механистики с «классическими» европейскими традициями хронологической науки.

Законодательницей светской моды стала Екатерина II. Одним из сочинений позднего периода ее литературного творчества была изданная анонимно в начале 90-х гг. XVIII в. **хронологическая генеалогия Рюриковичей** [16]. По укоренившейся в то время традиции читающая публика делала вид, что сочинительская страсть царицы остается тайной, хотя все прекрасно знали об этой слабости самодержицы, и потому каждый очередной ее литературный опус вызывал множество похвал и подражаний. Так произошло и на этот раз: после издания «Родословника» хронологические таблицы начинают появляться как грибы после дождя.

Среди авторов хронологико-механистических сочинений конца XVIII – начала XIX в. **мы можем обнаружить** людей различного звания, общественного положения и уровня образования. Были среди них и личности, прославившие себя различными деяниями. К ним можно отнести, например, виднейшего представителя юриспруденции того времени, коллежского советника Ивана Мокеевича Наумова (конец 70-х гг. XVIII в. – 1833), прославившегося не только борьбой со служебными злоупотреблениями, но и сочинением большой хронологической книги [17], талантливого археографа К.Ф. Калайдовича, описавшего в хронологическом порядке средневековую историю Новгорода [18], а также одного из способнейших преподавателей-математиков Московского университета Пафнутия Алексеевича Афнасьева [19]. Множество хронологических таблиц было сочинено и никому не ведомыми любителями хронологии и истории [20–23]. Наконец, в эти годы появились даже своеобразные «профессионалы» табличного жанра, среди которых выделялся своей плодовитостью профессор российской истории, географии и статистики Казанского университета Илья Федорович Яковкин (1764–1836). В 1794 г. он напечатал в столице небольшую книжечку «Летосчислительное изображение знатнейших европейских государств», а позже выпустил еще четыре подобных сочинения [24–27].

Многочисленные таблицы, выпускавшиеся в России на границе XVIII и XIX столетий, **были** расчитаны как на сведущих в науке людей, так и на малограмотного читателя, причем во втором случае авторы пускались на всевозможные изобразительные и литературные ухищрения, привлекающие читательский интерес. Не случайно уже в 30-е гг. XIX в. преподаватель хронологии в Московском универси-

тете М.С. Гастев, обеспокоенный тем, что под видом научных разработок появилось много низкосортных поделок, разделил таблицы на два вида – научные и учебно-популярные [5, с. 75–76]. Такое разграничение было, однако, весьма условным: научная ценность всех без исключения хронологических таблиц того времени была примерно одинаковой, а единственным ее показателем являлся лишь объем скомпилированной в них информации.

Что касается объема, то своеобразной вершиной русской механистики конца XVIII – начала XIX в. явились сочинения князя Алексея Ивановича Голицина. Этот малоизвестный представитель славной фамилии сначала опробовал свои силы в составлении относительно небольшого хронологического перечня европейских монархов [28], а затем поразил читателей громадными фолиантами «Ядра хронологического». Уже само по себе устрашающе длинное заглавие этой книги, которое невозможно прочесть на одном дыхании [29], указывает на то, что данный труд является непревзойденным образцом синхронистического описания истории. По сути дела, князь А.И. Голицин поставил в затруднительное положение своих последователей-соотечественников, так как после выхода «Ядра...» жанр механистических таблиц во многом оказался исчерпанным. Можно сказать также, что в лице А.И. Голицина русские хронологическо-механисты перещеголяли своих западноевропейских учителей; таблицы Дж. Блэра, аббата Ленгле, Ф. Круза, Х. Николаса и других современников князя-хронолога выглядели намного беднее, хотя, например, сочинение члена королевского Лондонского общества Дж. Блэра оказало непосредственное влияние на автора «Ядра...»; не случайно, его сын, инженер-капитан Иван Алексеевич Голицин, перевел в 1808 г. «Таблицы хронологические» Дж. Блэра на русский язык.

Дальнейшее развитие механистической хронологии в России наглядно демонстрирует ее эволюцию, вернее сказать, деградацию из отрасли научного знания в методическое пособие изучения истории. Во второй половине XIX – начале XX в. продолжали появляться многочисленные таблицы, по-прежнему разнообразными были их форма, тематика и состав авторов, среди которых продолжали существовать «профессионалы», подобные И.Ф. Яковкину (таким специалистом табличного жанра был в эти годы некто И. Соловьев [30–31]). Постепенно, однако, эти сочинения мельчали, все более редкими становились объемные хронологические своды, претендующие хотя бы на отдаленное сравнение с «Ядром хронологическим» (например [32–33]), все более появлялось тонких книжек, авторы которых стремились обозреть хронологию русской или всемирной истории на нескольких десятках страниц [34–36].

Совершенно исчезло и научно-исследовательское начало, полное всего проявившееся в трудах Дмитрия

Ростовского и К.Ф. Калайдовича. Механистические таблицы превращались в простые своды информации, позаимствованной не со страниц источников, а из других книг. Эти компиляции становились все более похожими на наши современные хронологические (точнее, синхронистические) таблицы, по которым изучают историю школьники и которые вряд ли кто решится назвать научными исследованиями.

Совсем не случайно качественные изменения в русской механистической хронологии совпали по времени с появлением первых учебных пособий по изучению хронологии, точнее, первых хронологических пособий для изучения истории. Примитивный вид и упрощенное содержание таблиц наталкивали на мысль о возможности их использования в учебных целях. Интересно, что едва ли не первым эту мысль высказал А.С. Пушкин в записке «О народном воспитании», направленной Николаю I. Оказавшись под несомненным воздействием современной ему механистики исторических дат, наш великий поэт писал: «История в первые годы учения должна быть голым хронологическим рассказом происшествий, безо всяких нравственных или политических рассуждений» [37, с. 48]. У царственного читателя пушкинской записки эти строчки почему-то вызвали непонимание или раздражение, судя по тому, что в автографе напротив них царской рукой был поставлен знак вопроса (публикацию пушкинской записки с пометками царя см.: [38, с. 112]).

Мы проследили, как русская механистическая хронология за два столетия своего существования прошла путь развития от «Келейного летописца» митрополита Димитрия до огромных томов «Ядра хронологического», а затем до небольших учебных таблиц. Надо признать, что на этом пути она не внесла заметного вклада в историческое научное знание, о чем свидетельствует, например, ее полное забвение современной историографией. Такая судьба механистики определялась, во-первых, ее изначальным отрывом от исторической науки. Среди механистов XVIII–XIX вв. устойчивым было мнение о том, что хронология является самостоятельной наукой и чем-то даже противостоит истории. Такой взгляд на хронологию уходил корнями в европейскую науку времен Ж.-Ж. Скалигера. Даже в середине XIX в. однофамилец знаменитого историка, хронолог-механист И. Соловьев писал: «Знаменитые ученые хронологи Скалигер и Уссерий отделили хронологию от истории, возвели ее в степень самостоятельной науки... доказали необходимость, важность и совершенную пользу ее, равную истории... Так что остается ныне... следовать их указаниям» [30, ч. 1, с. 8]. Последователей митрополита Димитрия мало интересовали содержание и сущность исторических событий, внимания им они уделяли ровно столько, сколько требовалось для расстановки этих событий в определенной последовательности.

Именно поэтому в их представлении хронология стала «наукой времен», «путешествием, мореплаванием в пространном и темном свете древности», как писал Ф.И. Дмитриев-Мамонов, автор процитированного в начале этой главы хронологического катехизиса.

Понятно, что при таком отношении к историческим фактам на страницах хронологико-механистических сочинений свободно совмещались и реальные исторические происшествия, и «события», никогда не происходившие в действительности. Не в этом, однако, заключался главный недостаток таких сочинений. В большей степени несовершенство «науки времен» проявлялось в том, что она, как это ни странно, не могла дать ответа на вопрос о точном времени свершения событий прошлого. Так, к примеру, русский читатель середины XIX в., захотевший узнать из книг хронологов о том, когда на Русскую землю пришел прародитель российских самодержцев Рюрик, остался бы в полном недоумении: «Ядро хронологическое» относило это событие к 861 г., И. Соловьев датировал его годом позже, а «Всемирная хронология» Н. Свечина почему-то указывала на 867 г. [29, ч. 3, с. 304; 30, ч. 1, с. 50; 20, с. 52]. Открыв «Краткую хронологию» Палладия, тот же читатель с удивлением мог обнаружить, что Куликовская битва произошла совсем не в 1380 г., а на три года раньше [15, с. 110]. И такие нелепости в таблицах того времени встречаются нередко. Абсолютизация единственного метода исследования – редукции – и его произвольное, не оговоренное никакими правилами применение приводило к тому, что из «мореплавания» механистическая хронология зачастую превращалась в увеселительную прогулку по морям времени без компаса и секстанта.

К этому следует добавить, что никаких сомнений в верности источников у хронологов-механистов никогда не возникало. Для них все источники, если таковые использовались при составлении таблиц, априорно являлись «достоверными», как об этом было заявлено в заглавии фундаментального труда князя А.И. Голицина. Даже К.Ф. Калайдович, по своим взглядам близкий к «скептической школе», в «Опыте о посадниках новгородских» решался проверять на достоверность лишь показания историков XVIII в., а когда сталкивался с

сомнительными сообщениями летописей, то не брал на себя смелость оценивать их точность.

И все же механистка сыграла положительную роль хотя бы потому, что была первым, пусть и тупиковым направлением в развитии историко-хронологического научного знания. Кроме того, в лабиринтах механистики время от времени появлялись идеи, которые можно считать исходными для формирования других научных школ. Наконец, не будем забывать о том, что, воплощаясь в синхронистические таблицы, механистическая хронология способствовала изучению истории многими людьми, и эту функцию она с успехом выполняет и ныне.

На позднем этапе развития русской механистической хронологии к ее представителям стало приходиться осознание ущербности своей научной школы. Так, к примеру, тот же самый И. Соловьев, который уже известен нам как прямой последователь воззрений Ж.-Ж. Скалигера на соотношение исторической и хронологической наук, писал в 1852 г.: «История без хронологии быть не может. Хронология, составляя отдельную, не менее полезную и обширную науку, имеет обязанностью определить критически [!] истинное время события, не вдаваясь в рассуждения, какие обстоятельства его сопровождали, и служит верным пособием [!!!] истории». В этом высказывании видится двойственность позиции автора: с одной стороны, просматриваются типичные признаки «науки времен» («отдельная наука», «не вдаваясь в рассуждения»), но, с другой, очевидны совершенно противоположные мотивы («пособие истории», «определить критически»). Пытаясь объяснить читателям и, вероятно, самому себе эклектичность своих взглядов, И. Соловьев далее писал: «Хронологии с объяснением цели, предела, связи ее с другими науками, употребления разных летосчислений, свода их и критического разбора летописей и хронографий... не только пространной, но и краткой в России нет» [30, ч. 1, с. 1–2]. В этом он, без сомнения, ошибался. Такая хронология к середине XIX столетия в России уже существовала, и не заметить ее могли только механисты, оставшиеся в стороне от основного пути развития отечественного историко-хронологического знания.

Библиографический список

1. [Дмитриев-Мамонов, Ф.И.] Хронология, переведенная тщанием сочинителя, философа-дворянина / Ф.И. Дмитриев-Мамонов. – М., 1782. – Ч. 1–2.
2. Цыб, С.В. Святитель Димитрий Ростовский – первый русский хронолог / С.В. Цыб // Известия Алтайского государственного университета. – 2000. – №4 (18).
3. Calvisius, S. Opus Chronologicum ubi Tempus Astronomicum per Motus et Ecliptes Luminarium Celestium / S. Calvisius. – Francortortum ad Moenum, 1650.
4. Riccioli, J.-B. Chronologia Reformata / J.-B. Riccioli. – Bonon, 1669.
5. [Гастев, М.С.] Материалы для вспомогательных наук истории: Книжка первая (для хронологии) / М.С. Гастев. – М., 1833 (1840).
6. Capellus, R. Antiquariorum Series Chronologica Imperatorum Romanorum a Julio Caesar ad Leopoldum I / R. Capellus. – Hamburgi, 1679.
7. Marcel, L. Tablettes chronologiques / L. Marcel. – P., 1709.
8. [Дильтей, Ф.-Г.] Первые основания универсальной истории с сокращенной хронологией / Ф.-Г. Дильтей. – М., 1763–1768. – Ч. 1–3.

9. Таблицы хронологические, объемлющие все части всемирной истории... на английском языке изданные Жоном Блёром / [пер. И.А. Голицина]. – М., 1808–1809. – Т. 1–2.
10. Шмит, В. Четыре тысячелетия всеобщей истории, изображенные на четырех таблицах / В. Шмит. – СПб., 1823.
11. Хронологическое и синхронистическое обозрение всемирной истории, изображенное на четырех таблицах : сочинение Кольрауша / пер. Е.И. Ольдекопа. – СПб., 1833. – Кн. 1.
12. Спасский, И.А. Исследование библейской хронологии / И.А. Спасский. – Киев, 1857.
13. Библейская хронология // Чтения в обществе любителей древней словесности. – 1874. – №2, 3, 5, 7.
14. Глубоковский, Н.Н. Хронология Ветхого и Нового Завета / Н.Н. Глубоковский. – СПб., 1909.
15. Палладий (Юрьев П.) Краткая хронология, или Показание лет от начала Мира по 1778 год по Рождестве Христове / Палладий (П. Юрьев). – М., 1777.
16. [Екатерина II]. Родословник князей великих и удельных рода Рюрика / Екатерина II. – СПб., 1793.
17. [Наумов И.М.] История церковная, гражданская и ученая, расположенная хронологическим порядком... от Мироздания по 1800 год / И.М. Наумов. – М., 1808. – Ч. 1.
18. Калайдович, К.Ф. Исторический и хронологический опыт о посадниках новгородских: Из древних русских летописей / К.Ф. Калайдович. – М., 1821.
19. Афанасьев, П.А. Хронологическое обозрение российской истории / П.А. Афанасьев. – М., 1821.
20. Свечин, Н. Всемирная хронология / Н. Свечин. – М., 1809.
21. Историческая таблица России. – СПб., 1815.
22. В.С. [Соц В.И.] Хронологическое обозрение достопамятных происшествий / В.И. Соц. – СПб., 1823.
23. И.А. [Алданов И.] Хронологическое обозрение достопамятных происшествий / И. Алданов. – М., 1825.
24. Яковкин, И.Ф. Летосчислительное изображение древней всемирной истории / И.Ф. Яковкин. – СПб., 1798.
25. Яковкин, И.Ф. Летосчислительное изображение российской истории / И.Ф. Яковкин. – СПб., 1798.
26. Яковкин, И.Ф. Летосчислительное изображение российской истории / И.Ф. Яковкин. – Казань, 1814.
27. Яковкин, И.Ф. Летосчислительное изображение российской истории / И.Ф. Яковкин. – Казань, 1815.
28. [Голицин А.И.] Таблица хронологическая государей европейских / А.И. Голицин. – М., 1801.
29. [Голицин А.И.] Ядро хронологическое истории всемирной от начала света до кончины Екатерины II, содержащее хронологию истории священной и гражданской, основание и перемену государств и их владетелей, вселенские и частные соборы, когда они существовали, кто на них присутствовал и повод их созыва, главные ереси, заблуждения и основателей оных, достопамятные в свете происшествия, великих людей деяния, славные брани, возмущения, мирные трактаты, учреждения монашеских обществ, кавалерских орденов, изобретения в науках, искусствах и прочее: Собрание из разных достоверных летописей / А.И. Голицин. М., 1804–1805. – Ч. 1–4.
30. Соловьев, И. Настольная хронология замечательных происшествий, полезных открытий, рождения и смерти знаменитых людей, от Сотворения Мира до наших дней / И. Соловьев. – СПб., 1852. – Ч. 1–2.
31. Соловьев, И. Хронология по всеобщей истории / И. Соловьев. – Одесса, 1912.
32. Краткое хронологическое обозрение русской истории. – СПб., 1850.
33. Ранцов, В.Л. Хронология всеобщей и русской истории / В.Л. Ранцов. – СПб., 1905.
34. Толстой, П. Хронология новой и русской истории / П. Толстой. – М., 1871.
35. Гиттис, Ю. Хронология русской истории / Ю. Гиттис. – Одесса, 1877.
36. Власова, Л. Хронологический указатель всеобщей и русской истории (по новейшей облегченной системе) для пособия и справок / Л. Власова. – СПб., 1908.
37. Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений / А.С. Пушкин. – М., 1964. – Т. 7.
38. Эйдельман Н.Я. Пушкин: Из биографии и творчества: 1826–1837 / Н.Я. Эйдельман. – М., 1987.